

Фома и Ольга де Гартман

НАША ЖИЗНЬ
С ГОСПОДИНОМ
ГУРДЖИЕВЫМ

Фома де Гартман
Ольга де Гартман

Наша жизнь с г-м Гурджиевым

Серия «Гурджиев. Четвертый Путь»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67743851

*Наша жизнь с господином Гурджиевым: Традиция; Москва; 2019
ISBN 978-5-9909614-7-0*

Аннотация

Среди многих форм, которыми Георгий Иванович Гурджиев выражал своё учение, выделяются три: это его система идей, его «движения» и его музыка. В каждой из этих форм Гурджиев работал с одним конкретным учеником, способным воспринять, впитать и передать другим полученный материал. В отношении его идей это был Пётр Успенский, в «движениях» – Жанна де Зальцман, и в музыке – Фома де Гартман. Все трое и их супруги были одними из основных «передатчиков» учения Гурджиева, и они описаны в этой книге, которая охватывает двенадцать лет, начиная с 1917 года.

Фома де Гартман (1885–1956) – русский композитор, ученик Антона Аренинского и Сергея Танеева. Автор балета «Аленький цветочек», премьера которого состоялась в 1907 году в Мариинском театре. Годом ранее Фома де Гартман женился на

Ольге де Шумахер (1885–1979), разделившей всю деятельность своего мужа. В течение 12 лет (1917–1929) они проходили обучение у Гурджиева.

Книга «Наша жизнь с господином Гурджиевым», составленная из рукописных записей Фомы и Ольги де Гартман, позволяет более полно узнать мысли и чувства обоих де Гартманов об их невероятном опыте жизни с Гурджиевым и такими же учениками, как и они.

Это первое полное издание на русском языке книги «Наша жизнь с господином Гурджиевым», которое продолжает серию «Гурджиев. Четвертый Путь» издательской группы «Традиция».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Слово издателя	6
Предисловие	8
О Гурджиеве	15
О Фоме де Гартмане	34
Об Ольге де Гартман	41
Фома и Ольга де Гартман	47
Введение	49
I	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Фома и Ольга де Гартман

Наша жизнь с

господином Гурджиевым

*Книжная серия «Гурджиев. Четвертый Путь»
посвящается памяти Владимира Григорьевича
Степанова*

Благодарности

Огромное спасибо за помощь Михаилу Кошубарову Валерию Мальшеву

* * *

© Thomas de Hartmann, Olga de Hartmann, Our Life with Mr Gurdjieff

© Thomas C. Daly, Thomas A. G. Daly

© Общество друзей Абсолюта, идея проекта

© Андрей Тумилович, перевод

© Издательская группа «Традиция», общая редакция, оформление

Слово издателя

Дорогой Неизвестный Читатель!

Издательская группа «Традиция» не перестает издавать личные опытные впечатления людей, вступивших однажды в институт Георгия Ивановича Гурджиева.

Возможно ли мужу и жене его развитие вместе?

Представляем вашему вниманию отдельный образец совместного семейного гармонического развития.

Мы знаем, что господин Гурджиев строго придерживался правила соблюдения целостности отношений. Если двое стучались в двери Института, то и вступить на путь обучения они могли только вдвоем, ибо для Учителя они были одним.

Фома и Ольга де Гартманы испили эту чашу до дна, пребывая в поле Георгия Ивановича с первых групповых встреч в Санкт-Петербурге почти до самого конца Работы в Приоре.

Дневниковые записи внутренних и внешних переживаний, два взгляда на события, один путь, пройденный вместе. Прекрасный образ и преломление великой истины: «и двое станут одним».

Приглашаем читателя восхититься напряженной целеустремленностью совместного продвижения по пути, а пытливых неофитов – сверить свои подвижки к духовному развитию по восхищающему образцу великого делания супругов де Гартман.

С ПОЖЕЛАНИЕМ ВСЯЧЕСКОГО БЛАГА,

Издатель

Предисловие

Среди многих форм, которыми Гурджиев выражал своё учение, выделяются три: это его система идей, его «движения» и его музыка. В каждой из этих форм Гурджиев работал с одним конкретным учеником, способным воспринять, впитать и передать другим полученный материал. В отношении его идей это был Пётр Успенский, в «движениях» – Жанна де Зальцман, и в музыке – Фома де Гартман. Все трое и их супруги были главными носителями учения Гурджиева, и они описаны в этой книге, которая охватывает двенадцать лет, начиная с 1917 года.

Фома и Ольга де Гартман присоединились к Гурджиеву в Санкт-Петербурге сразу после начала революции, и неотступно следовали за ним в течение всего времени развития его Института, основы которого были заложены в Ессентуках и Тифлисе. Потом Институт переместился в Константинополь, оттуда – в Берлин, и, в конце концов, обосновался в поместье Приоре в Фонтенбло недалеко от Парижа.

В Приоре Гурджиев выбрал Ольгу де Гартман своим секретарём, ассистентом и экономкой. Она следила за большинством дел Приоре и была переводчиком Гурджиева на встречах с посетителями. Также в Приоре Гурджиев начал работать с Фомой де Гартманом над выдающимся собранием фортепианных пьес, которое впоследствии стало известным

как «музыка Гурджиева – де Гартмана».

В 1929 году де Гартманы оставили Гурджиева и, в конце концов, обосновались в районе Гарш, где прожили всю Вторую мировую войну. Они больше не вернулись к Гурджиеву, но никогда не изменяли его учению. После смерти Гурджиева в 1949 году они объединились с Жанной де Зальцман, которая понесла дальнейшую ответственность за гурджиевскую работу.

В 1951 году де Гартманы переехали в Нью-Йорк, чтобы руководить гурджиевскими группами в Америке, а также – поддержать мадам Успенскую и её учеников на её ферме в Нью-Джерси. В этот же год я впервые встретился с ними, и они стали моими учителями.

Фома де Гартман тогда уже писал свою книгу о годах, которые они с Ольгой провели вместе с Гурджиевым, и я часто слушал увлекательные истории, посещая их квартиру в Нью-Йорке, на ферме мадам Успенской, или когда они приезжали в Торонто, где в 1953 году ими была основана первая канадская группа.

В 1956 году Фома де Гартман неожиданно умер, оставив книгу незаконченной. Его вдова продолжала посвящать все свои силы гурджиевской работе, помимо тех задач, что были связаны с основанием группы в Монреале: впоследствии ставшей Фондом Гурджиева в Канаде. Как только появилась возможность, Ольга де Гартман вернулась к работе над книгой своего мужа и, в конце концов, в 1964 году выпусти-

ла её с собственным эпилогом в нью-йоркском издательстве CooperSquare на английском языке. Эта же редакция была переиздана в Penguin Metaphysical Library в 1972 году.

Ольга де Гартман умерла в 1979 году в возрасте 94 лет. Она оставила авторские права на музыку Гурджиева – де Гартмана Фонду Гурджиева в Монреале, а вся остальная её собственность была завещана лично мне. Среди её многотомных архивов выделялись две папки, достойные пристального внимания: нотные тетради её мужа за период жизни в Приоре, написанные от руки на русском языке, и её собственные мемуары на английском.

Чтобы работать с музыкой, нам нужно было выучить русский язык; это был медленный, но благотворный процесс, в котором ко мне присоединился мой старший сын Том. Зато мемуары Ольги мы могли читать сразу же. Их было недостаточно для отдельной публикации, но они хорошо дополняли рассказ её мужа. Оригинал записок Фомы де Гартмана в то время был для нас практически недоступен, но нам представилась идеальная возможность объединить два рассказа в одно издание, поочерёдно описывая мнения Ольги и Фомы, так как это делали они, когда общались со всеми нами.

Я отредактировал рукопись, просто добавив в исходную книгу подходящие отрывки из мемуаров, перепечатанные моей женой Руфью. Результат был приведён в порядок при помощи писателя и редактора Якоба Нидлмана и друга семьи Р. Г. «Пита» Колгрува, который присматривал за Ольгой

де Гартман в её последние годы. Этот расширенный вариант был опубликован издательством Harper & Row в 1983 году.

Том и я достаточно хорошо выучили русский язык, чтобы изучить исходный рукописный вариант книги де Гартмана — 300 слежавшихся страниц со старым правописанием и стилем написания букв. Раньше мы думали, что опубликованный английский текст был прямым переводом того, что написал де Гартман, но даже при предварительном изучении выявились заметные отличия. Стало ясным и то, что Ольга де Гартман, издавая книгу за свой счёт, многое в неё не включила из-за ограниченности средств.

Новый перевод был выполнен с великодушной помощью Светланы Арнольдовны Раевской, русской учительницы и певицы, хорошо знавшей де Гартманов. Кроме внушительной части нового ценного материала, стал также виден незаурядный талант Фомы де Гартмана: он оказался мастером живой передачи событий, характеров, времени и мест, в которых они происходили.

Стало очевидно, что необходимо новое и более полное издание. Том полностью погрузился в редакторскую работу, в то время как Руфь с такой же самоотдачей начала долгий процесс печатания на машинке новых частей и исправленного текста. Penguin Books были заинтересованы в публикации и просили нас включить в окончательную редакцию как можно больше нового материала. Таким образом, мы получили возможность представить весь материал, который мы

считали стоящим – либо потому, что он был таким сам по себе, либо потому, что это была новая, более верная редакция опубликованного ранее. Эти дополнения увеличили книгу примерно на одну треть.

Как только мы свели новый материал со старым, перед нами открылся простой и великий замысел де Гартмана – проследить и изобразить развитие гурджиевской Работы. Как она изменялась в своей внешней форме в зависимости от условий, в которых она велась. Показать характеры людей, которых она привлекала и которым была доступна. Когда мы попытались приспособить каждый новый отрывок на его место в соответствии с этим видением, материал начал сам по себе выстраиваться в естественные группы, в основном в хронологическом порядке с редкими отсылками назад или вперёд во времени.

Это вынудило нас к принятию нового формата из 26 коротких глав, по одной на каждую «естественную группу», вместо бывших семи довольно бесформенных глав и эпилога Ольги де Гартман, которые никак не могли помочь кому-либо найти то, что ему интересно. Так мы дали названия главам, чтобы помочь читателю определить местоположение каждой части и её общее содержание без (как мы надеемся) «разоблачения» открытий, к которым читателю нужно прийти самому в процессе чтения.

Как и в предыдущей редакции, слова Фомы де Гартмана написаны основным шрифтом, в то время как часть Ольги

де Гартман выделена другим стилем. Новые части составлены таким же образом, с минимальной редакторской правкой, сгладившей острые углы и устранившей повторения.

Мы доработали вводный материал о Гурджиеве и Фоме де Гартмане и добавили отдельную часть об Ольге де Гартман. Все три части предназначены в основном для того, чтобы помочь составить впечатление о характере каждого.

Для справки и изучения мы предоставили новые карты и хронологию, а также редакторские сноски.

Если есть то, о чём я сожалею по отношению к тексту де Гартмана, так это то, что г-н де Гартман умер именно тогда, когда начал писать о своём музыкальном сотрудничестве с Гурджиевым. Мы никогда не узнаем, что ещё он намеревался написать об этом, но, к счастью, мир теперь может узнать, ощутить и работать с самой музыкой. B. Schott's Söhne, почтенное немецкое издательство, выпустившее первые прижизненные тиражи нот – Моцарта, Бетховена и Вагнера – сейчас выпускает наиболее полное собрание музыки Гурджиева – де Гартмана для фортепиано. Последний из четырёх томов должен выйти в 1993 году.

Эта книга позволяет более полно узнать мысли и чувства обоих де Гартманов об их невероятном опыте жизни с Гурджиевым и такими же учениками, как и они. Это их искренняя дань учителю, их благодарность ему, выраженная наилучшим образом, на который они были способны. Они разделили с другими плоды того, что смогли понять через его

Работу.

Томас С. Дали

Декабрь 1991

О Гурджиеве

Моего отца многие знали как «ашии́х», так всюду в Азии и на Балканском полуострове называли местных бардов, авторов и исполнителей стихов, песен, былин, народных сказаний и сказок. Многие, знавшие моего отца, часто приглашали его на званые вечера, чтобы послушать его рассказы и пение. Иногда, чтобы закончить такой рассказ, не хватало ночи, и слушатели собирались опять на следующий вечер.

Г. И. Гурджиев¹

Георгий Иванович Гурджиев родился у отца-грека и матери-армянки в Малой Азии, в регионе, являвшемся, плавающим котлом разных национальностей и религий. Он был старшим из шести детей, у него был брат и четыре сестры, одна из которых умерла ещё в юности. В детстве он с семьёй жил в Александрополе и Карсе в Армении, но дата и даже место его рождения так и остались неизвестными. Его сочинения обладали двусмысленностью и неопределённостью, а иногда и противоречивостью относительно того или иного материала, что показывало его желание перевести внимание от себя и сосредоточить на передаче знания, собранного им.

Погружение в мир народной мудрости, поэзии и музыки

¹ Сокращённо из Г. И. Гурджиев «Встречи с замечательными людьми», оригинальный русский текст, глава «Мой отец».

с помощью таланта его отца было разнообразным и глубоко впечатляющим. Кроме этого постоянного воздействия, впитанного дома, было ещё и другое. В детстве отец несколько раз брал его на соревнования ашугов, которые приезжали из Персии, Турции, с Кавказа и даже из Туркестана. На таких мероприятиях, длящихся неделями и иногда месяцами, соревнующиеся должны были придумывать вопросы и ответы в стихах и песнях на религиозные и философские темы или значение и происхождение одной из хорошо известных легенд.

Таким наиболее естественным путём Гурджиев рано проник в мир музыки, поэзии и философии. Он перенял от своего отца в большой степени живость ума, хорошую память и любовь к собиранию традиционных знаний о древних.

Желая, чтобы сын вырос свободным от обидчивости, отвращения, робости и страха, отец Гурджиева прививал ему равнодушие к этим качествам, используя для этого любую возможность.

Иногда... он незаметно подкладывал мне в постель... лягушку, червяка, мышь и т. п., и заставлял меня брать в руки недовитых змей и даже играть с ними... Он обязательно заставлял меня вставать рано утром, когда детский сон особенно сладок, идти к фонтану окачиваться холодной ключевой водой и после этого бегать нагишом, и если я противился этому, то он, несмотря на то, что был очень добрым и любил меня, в этом никогда не уступал мне и наказывал без жалости.

Впоследствии я не раз вспоминал его за это, и в такие моменты всем своим существом благодарил его. Не будь этого, я бы никогда не смог одолеть тех препятствий и трудностей, которые вставали передо мной в последующей жизни во время моих путешествий².

Семья переселилась в Карс после того, как Россия освободила его от Турции в 1878 году. Там Гурджиева выбрали петь в хоре Русского Православного Кафедрального Собора. Его сильный чистый голос и исключительный разум привели к тому, что его заметил отец Борш, настоятель собора, который стал заниматься дальнейшим обучением Гурджиева и открыл ему мир науки, включая медицину, астрономию и химию. Отец Борш хотел помочь ему стать «физиком для тела и духовником для души»³.

Ведомый жаждой знаний, Гурджиев ещё с детства пытался понять «смысл и цель человеческого существования». Вместе с ещё несколькими мужчинами и женщинами, которые стремились к тому же и называли себя «Искатели Истины», он пытался собрать везде, куда бы ни вел их путь, знания о том, каким образом внутри себя можно развить нечто «высшее».

Для этого ему пришлось найти и получить доступ во многие, иногда секретные, школы древнего знания со всего

² Там же.

³ Там же.

Ближнего Востока, а также за его пределами, в Индии и Тибете. Из наиболее заметных была школа ессеев, считалось, что она существовала во времена Иисуса Христа. В исламском мире он учился у многих суфийских орденов и побывал в Мекке.

Чтобы получить доступ в один из монастырей в Кафиристане, в стране, где иностранцам угрожала немедленная смерть, он и его друг Скридлов, профессор археологии и член «Искателей Истины», решили переодеться как «Саид» и «персидский дервиш». Для совершенствования своих ролей они целый год отращивали волосы и изучали необходимые священные песни, упражнения и поучительные речи давних времён.

Постепенно с помощью учений и практик различных школ, Гурджиев нашёл подлинные ответы на вопросы, которые так сильно волновали его. Во многих из этих школ Гурджиев нашёл «священную гимнастику», танцы, ритуалы и другие формы движений, использовавшиеся в качестве средства для самопознания и саморазвития. Их изучение стало одной из главных основ его собственного учения. Также он познакомился со священной музыкой, ведущей происхождение из подобных школ, и которая иногда могла коснуться и пробудить внутреннюю сущность и помочь ей достичь контакта с «Высшей сущностью».

После двадцати лет поисков и собирания древней мудрости из живых источников, Гурджиев начал создавать своё

собственное учение, намереваясь сделать его доступным для людей Запада. В 1913 году он появился в Москве и организовал собственную школу, позже учредив её также в Санкт-Петербурге. Он начал объяснять свою систему идей, ту же истину всех времён, но связанную в единую ветвистую структуру, легче воспринимаемую умами, воспитанными в западных шаблонах. Все идеи концентрировались вокруг одной центральной: полная эволюция возможна для человечества и для отдельной индивидуальности. Вселенная представлена как упорядоченный организм, чьё функционирование основано на взаимодействии двух фундаментальных законов: Законе Семи (или Законе Октав) и Законе Трёх (или Закон Триад). Единство Вселенной принимает форму убывающего порядка миров-внутри-миров, развивающегося, как ноты в гамме, от галактик через звёздные скопления и солнечные системы к планетам и их спутникам. Это падение ветвится в строго возрастающее многообразие, «механичность» и ограничение.

Внутри этой упорядоченной системы каждая «нота» высшей октавы распадается в целую «внутреннюю октаву», как белый цвет («нота» на электромагнитной «гамме») распадается на цвета радуги. Этот универсальный образ не взят из музыки, наоборот: музыка – это одна из форм выражения базовых универсальных законов.

С таким диапазоном глубины идей и связанных с ними упражнений Фома и Ольга де Гартман столкнулись лицом к

лицу, встретившись с Гурджиевым зимой 1916–1917 годов. Что это значило для них, они расскажут сами.

В 1932 году Гурджиев закрыл Институт, который он создал недалеко от Фонтенбло во Франции и снова некоторое время путешествовал. В середине 30-х годов он вернулся к работе с группами в Париже и продолжал эту работу всю Вторую мировую войну и после неё. Он умер в Париже 29 октября 1949 года и похоронен в Авоне возле Шато де Приоре.

Фома Александрович де Гартман

Ольга Аркадьевна де Гартман, 1920

Ольга Аркадьевна де Гартман, 1921

Фома де Гартман и Ольга де Гартман вскоре после свадьбы

Слева направо: Ольга де Гартман, Василий Кандинский,
Фома де Гартман

Василий Кандинский (сидит), Фома де Гартман (справа), Мюнхен, 1919; также на фотографии, слева направо: Мария Марк, Франц Марк, Бернхард Кёлер, Генрих Кампендонк

Фома Александрович де Гартман, 1921

Фома де Гартман и Борис Ферапонтов в Приоре, 1923

Фома и Ольга де Гартман

Георгий Иванович Гурджи́ев с учениками в Приоре

Фома и Ольга де Гартман

Фома де Гартман в кабинетe

Ольга и Фома де Гартман

О Фоме де Гартмане

...Я издавна понял, что наш внутренний мир – это почва, в которой прорастают семена искусства. Без этих семян, в которых спрятана магическая часть жизни, и из которых рождается работа в искусстве... это не Искусство, это не Музыка.

Фома де Гартман

Фома Александрович де Гартман родился в 1885 году на Украине в родовом поместье, находившемся рядом с деревней Хоружевка к востоку от Киева. Склонность к музыке в нём проявилась в четыре года, и он любил выражать себя в музыкальных импровизациях. Волшебные сказки не давали ему покоя с самого детства и стали повторяющейся темой его работ. Возможно из-за раннего влияния его немецкого двоюродного дедушки, Эдуарда фон Гартмана, автора «Философии бессознательного», он начал сильно желать «чего-то» неведомого в обыденной жизни и это страстное желание никогда его не покидало.

Де Гартман с раннего детства рос среди культурных людей, близко к земле, окружённый крестьянами и ремесленниками старой России. Он был всегда благодарен тому, что пережил понимание взаимосвязи жизни и природы, и за познание духа и образа жизни людей, так хорошо описанных

Чеховым.

В девять лет эта счастливая пора прервалась смертью его отца, капитана гвардии. Мать зачислила Фому кадетом в военную школу в Санкт-Петербурге, оконченную когда-то его отцом.

Особый талант Фомы де Гартмана был быстро замечен, и ему позволили проводить всё свободное время в музыкальных студиях.

Ему было только одиннадцать лет, когда Антон Аренский принял его своим учеником по гармонии и композиции, и Фома учился у него до тех пор, пока Аренский не умер в 1906 году. У Аренского он впервые встретил Сергея Танеева, у которого позже изучал контрапункт. Также он занимался у Анны Есиповой-Лешетицкой по технике фортепиано.

В 1903 году Фома получил диплом Санкт-Петербургской консерватории, бывшей тогда под руководством Римско-го-Корсакова. В том же году он окончил военную школу как младший офицер гвардии, и его ждали годы активной службы. Несмотря на это, он находил время сочинять и вошёл в музыкальную и театральную жизнь Санкт-Петербурга. В год своего выпуска де Гартман написал музыку для постановки Мариинским театром трагедии Дюма «Калигула» – это было первое заметное публичное представление его работы. Также он написал фортепианные прелюдии и музыку для песен на слова русских поэтов, опубликованные Юргенсоном и Циммерманом.

Через год или два Аренский писал Танееву про де Гартмана и прокомментировал:

Обратите внимание, что в конце его самого первого сочинения, прелюдии в ля-бемоль мажор, опубликованной Юргенсоном, есть пять или шесть нот, которых не существуют на фортепиано вообще. Клавиатура должна расшириться почти на семь дюймов, чтобы вместить их. Сейчас он знает свой инструмент лучше и очень хорошо играет на нём, но его внимание всё ещё склонно к блужданию.

Несмотря на это, Фома преуспевал под опекой Аренского. Его наиболее выдающимся успехом был балет «Аленький цветочек», премьера которого состоялась в 1907 году в Мариинском театре Санкт-Петербурга в присутствии царя. В составе исполнителей были Легат, Павлова, Карсавина, Фокин и Нижинский.

Годом ранее Фома женился на Ольге Аркадьевне де Шумахер, и они с супругой были приятно удивлены, когда в признание его таланта царь разрешил освободить Фому от службы в армии, дав ему статус офицера запаса. Таким образом, Фома мог посвящать всё своё время музыке. Это дало ему возможность осуществить своё большое желание учиться в Мюнхене под руководством Феликса Мотля, личного ученика Вагнера и музыкального руководителя Оперы.

С 1908 по 1912 года де Гартманы проводили основную

часть года в Мюнхене, где Фома ещё глубже проникал в новые области музыки.

К моему большому удивлению, я оценил себя и начал понимать, что всё, что привлекало меня в моей юности, всё, что я нежно любил в музыке, больше меня не удовлетворяло, и было, так сказать, устаревшим.

В тот момент произошли два события в Мюнхене, и это оставило след на моём творческом пути. Первым была большая выставка картин Ван Гога, Гогена и Сезанна, на тот момент ещё совершенно неизвестных, и вторым, вскоре после этого, была моя встреча с русскими художниками Явленским, Верёвкиной и особенно Кандинским, с которым мы дружили до самой его смерти.

О силе и глубине этих отношений и их значении в жизни Фомы, указывает замечание жены Кандинского, Нины:

Насколько я помню, среди круга его друзей был только один человек, к которому он обращался фамильярно, на «ты», и только один, который обращался к нему так же: русский композитор Фома де Гартман. Даже со своим ближайшим другом-художником Паулем Клее Кандинского отталкивала чрезмерная фамильярность. Он общался с ним в официальной вежливой форме – несмотря на несколько десятилетий сильной дружбы.

В те годы в Мюнхене Фома написал хореографическую сюиту «Дафния, Нарцисс, Орфей и Дионис», которая была

представлена в Одеоне. Также в Одеоне, по настоянию Кандинского, Александр Сахаров исполнил сольный музыкальный номер «Пластический танец», написанный для него де Гартманом. В течение двух последних лет в Мюнхене Фома придумывал и набрасывал музыку для экспериментального театрального проекта Кандинского «Жёлтый звук». Из-за вмешательства войны для проекта так и не удалось найти режиссера. Де Гартман также входил во внутренний круг авангардного издания Кандинского и Франца Марка «Голубой всадник», для которого он написал статью «Анархия в музыке».

После смерти матери Фомы в 1912 году, де Гартманы вернулись в Санкт-Петербург. В декабре 1916 года, во время встречи с Гурджиевым, Фома был поглощён созданием новых сочинений. Он сразу же распознал в Гурджиеве учителя, который может провести его к тому, что он так долго искал. Поиск разделила и его жена. Они оба оставили свою комфортную и богатую жизнь ради работы с Гурджиевым и следовали за ним, последующие двенадцать лет, куда бы ни забрасывала их жизнь.

В 1929 году, как и многих других старших учеников, Гурджиев заставил де Гартманов покинуть его Институт и стать полностью самостоятельными. Фома зарабатывал на жизнь созданием партитур для коммерческих фильмов, работая под псевдонимом, но и продолжал сочинять свои собственные произведения. Он и Ольга пережили Вторую мировую

войну в Гарше под Парижем. Свой дом они покинули из-за оккупации немцами и стали жить в заброшенном. В этом доме было фортепиано и Фома, вдохновляемый Верленом, Прустом и Джеймсом Джойсом, положил музыку на их произведения, а также трудился над своей оперой «Эсфирь».

После войны у де Гартманов была яркая и успешная музыкальная жизнь во Франции. Концерты Фомы, камерные работы, песни и симфонии звучали в концертных залах и на радио. Между де Гартманом и Пабло Казальясом завязалась тёплая и близкая дружба, обещавшая много приятных перемен, но очередной поворот судьбы снова выгнал супругов с насиженного места. 29 октября 1949 года умер Гурджиев. Вместе с Жанной де Зальцман де Гартманы приняли решение о своей поездке в Америку – для поддержания Работы там.

Последние несколько лет жизни Фомы прошли в основном в Нью-Йорке. Он впервые начал издавать частные публикации музыки Гурджиева – де Гартмана и выпустил несколько записей, исполненных им самим. Работа с группами не замедляла его собственную творческую деятельность. В Аризоне, в архитектурной школе Райта, куда его пригласил Френк Лойд Райт, де Гартман читал студентам лекции о взаимной связи разных искусств. Его оркестровая музыка была представлена в нескольких городах Северной Америки; в Нью-Йорке он играл свои сонаты на радио. Фома де Гартман неожиданно умер в 1956 году, за несколько дней до

важного для его музыки концерта в «Таун Холле». Концерт не отменили, и он был посвящен его музыке и жизни.

Об Ольге де Гартман

Мы венчались в церкви, при всей суматохе того времени. Присутствовала сестра царя, церковь была полна офицеров гвардии и высоких сановников. Моё тщеславие и гордость помогли мне выбрать наиболее привлекательного и высокого мужчину, чтобы не испортить мою причёску, когда он будет держать корону над моей головой, как было принято, и чтобы он не наступил на мой слишком длинный шлейф.

Ольга де Гартман

Ольга Аркадьевна де Гартман, урождённая Ольга де Шумахер, родилась 28 августа 1885 года в Санкт-Петербурге, где её отец был членом правительства. Её родители были немецкого происхождения и лютеранской веры. В столице России двор официально говорил на французском, и государственной религией было православие. С детства и до замужества у Ольги была нянька немка и гувернантка французенка, и к тому времени, когда ей было шесть лет, Ольга могла читать на русском, немецком и французском. Она вспоминает:

С раннего возраста у меня всегда было религиозное чувство. Когда мне было семь лет, все другие дети в нашей школе были православными, но у моего брата, сестёр и у меня были отдельные уроки по религии

на немецком. Однажды мама горестно сказала нам, что с сегодняшнего дня нас будет учить Священному Писанию русский священник на русском языке, но я не хотела таким образом отделяться от родителей, поэтому они, в конце концов, решили тоже принять православие.

Хотя её родители вели активную жизнь в высшем свете, они много внимания уделяли своим детям. В свои двенадцать лет Ольга с радостью играла в шахматы со своим отцом, когда он приходил с работы. В их обширных апартаментах одна из комнат была библиотекой, уставленной книгами от пола до потолка. Там по вечерам её отец читал им вслух русскую литературу и, иногда, Гёте и Шиллера на немецком. Семья каждый год проводила лето в Финляндии, в доме, унаследованном от дяди её матери, путешественника.

Когда дети выросли, мать Ольги стала давать для них и их молодых друзей вечера. Во время этих вечеров играли в шахматы, танцевали и импровизировали пьесы и оперы. Родители часто брали детей в театр, на концерты и на все премьеры оперы и балета.

Ольга впервые была представлена Фоме де Гартману в антракте его концерта. «У меня было забавное чувство при встрече, — пишет она, — будто бы я уже давно его знаю». На самом деле связующие нити протягиваются намного дальше, чем она знала об этом в то время. Во время правления Александра II был создан Главный комитет по крестьянскому делу для отмены крепостного права. Главным сенатором, пред-

седательствовавшим на собраниях в отсутствие царя, был дедушка Ольги. А генеральным секретарём этого комитета был дедушка её будущего мужа.

С момента замужества Ольга разделила всю деятельность своего мужа. Летом они теперь ездили в родовое поместье Фомы на Украине, где двое молодых слуг – дети старых слуг семьи, кухарка и горничная Марфуша и дворецкий Осип – стали их личными сопровождающими и вернулись с ними в Санкт-Петербург.

Ольга и Фома стали ближайшими друзьями Сергея Танеева, великого учителя контрапункта. У Ольги был яркий естественный голос, и Танеев посоветовал ей брать уроки пения у Б. Корелли в Италии, что и было решено, когда она и Фома жили в Мюнхене. Для этого они поехали на несколько месяцев в Неаполь. Позже, когда в Москве ставилась опера-трилогия Танеева «Орестея», Ольга пела главную партию. Она также брала уроки исполнения арий из «Риголетто», «Травиаты», «Лакме» и «Мадам Баттерфляй» у концертной певицы Зои Лоди. После успешного выступления в «Орестее» Ольгу выбрали петь Виолетту в «Травиате».

В Мюнхене де Гартманы начали интересоваться эзотерическими вопросами. Ольга писала:

«В то время каждый читал Блаватскую. Однажды вечером с Кандинским и некоторыми другими мы решили поэкспериментировать пластиной со стрелкой, которая вращалась по кругу с немецким алфавитом,

как современная доска Уиджа. Мы задавали вопросы, ожидая, пока пластина остановится на буквах. Я их записывала и после расшифровывала. Но ничего внятного мы не прочитали. Кто-то предложил попробовать на русском. Снова мы задавали вопросы, и в один момент это стало ужасно волнующе. Дух сообщил нам своё имя: Мусуцкий, он жил в Уфе и там похоронен. Он просил нас молиться за него и сказал, что его кузен – он начал говорить его имя Ш-а-, но тут его прервали и дальше ничего не было.

Кандинский решил написать священнику в Уфу и спросить, знал ли он кого-либо с таким именем. Через месяц он получил ответ священника, что среди его прихожан было много Мусуцких, но только у одного из них был родственник по фамилии Шатов. Мы были поистине удивлены».

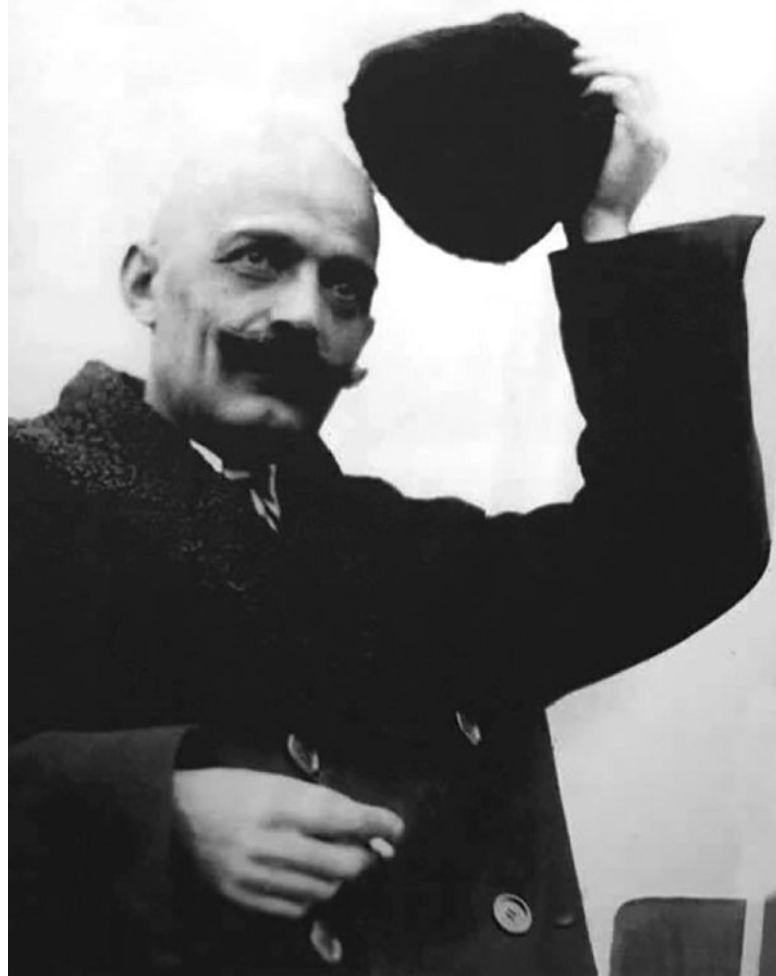
Де Гартманы начали искать знающего человека, который мог бы прояснить их вопросы, и после возвращения в Санкт-Петербург продолжили свой поиск. Там они впервые столкнулись со многими сомнительными группами, в одной из которых лидер контролировал членов группы, гипнотизируя их. Фома и Ольга быстро покинули эту группу вместе с ещё одним её членом, Андреем Захаровым, который стал их близким другом.

Когда военная мобилизация привела де Гартманов в Царское Село, Ольга целые дни проводила одна, пока Фома был на военной службе. Она занималась организацией и обу-

стройством пансионата и школы для шестидесяти мальчиков в возрасте от десяти до пятнадцати лет, чьи отцы были солдатами-резервистами. Финансирование этого проекта стало возможным благодаря успешному концерту, организованному при участии людей из Императорской оперы. Это было как раз то время, когда Фома, после беседы с Захаровым, впервые встретился с Гурджиевым.

В последней главе Ольга пишет об их совместной жизни до смерти Гурджиева в 1949 году. После смерти её мужа в 1956 году Ольга неумоимо прилагала усилия для поддержки и развития гурджиевской работы в Северной Америке. А когда позволяло время, она содействовала представлениям оркестровых и фортепианных работ её мужа, что увенчалось презентацией его оперы «Эсфирь» в Сиракузах, штат Нью-Йорк, в 1976 году.

В последние годы жизни из-за слабого здоровья она переехала в Намбе, неподалёку от Санта-Фе в Нью-Мехико, где и умерла в 1979 году.

Фома и Ольга де Гартман

Наша жизнь с господином Гурджиевым

Я пишу это для вас, чтобы вы не забыли.

Фома де Гартман

A handwritten signature in cursive script, reading "Thomas de Hartmann". The signature is written in dark ink on a white background. It features a long, sweeping underline that extends across the width of the name.

Я очень хочу, чтобы те, кто читает эту книгу, на один момент забыли бы время, в котором они живут, и попытались погрузиться в эпоху, существовавшую более пятидесяти лет тому назад, в эпоху с абсолютно другими условиями жизни, которые сейчас иногда даже кажутся невероятными.

Россию раздирали война и революция.

Г-н Гурджиев не был никому известен. Никто не знал о его учении, откуда он и по каким причинам появился в Москве и Санкт-Петербурге.

Кто бы ни вступил с ним в контакт, каждый неизменно желал следовать за ним, и так поступили

Фома де Гартман и я.

Ольга де Гартман

A handwritten signature in dark ink, reading "Olga de Hartman". The signature is written in a cursive style with a long, sweeping underline that extends to the right.

Введение

Долгое время я хотел написать про годы, проведённые с г-ном Гурджиевым – не просто встречаясь с ним время от времени, а живя с ним каждый день с 1917 по 1929 годы. С того времени мы больше не виделись, но он всегда оставался моим учителем.

Я не мог писать; я боялся, что это будет слишком личное. Сейчас я понимаю, что обязан сделать это, в особенности потому, что я и моя жена чуть ли не единственные, кто остался из периода первых лет Работы г-на Гурджиева, и также потому, что всё, что касается его, даже самая малость, имеет громадную ценность.

Возможно, некоторые люди не поймут причину написания этой книги, но это не имеет значения; если то, что я хочу сказать, не будет написано сейчас, оно будет навсегда потеряно.

Думая в особенности про тех, кто никогда не знал его, я попытаюсь, насколько это возможно, представить картину жизни Георгия Ивановича Гурджиева – человека, к которому мы обращались по-простому «Георгиваныч».

Сразу же возникает главная трудность: как это сделать? Внешнее поведение г-на Гурджиева было настолько отличающимся в разных обстоятельствах – в зависимости от человека, которого касались эти обстоятельства; уровня, на ко-

тором находился этот человек; и того, какую черту этого человека г-н Гурджиев хотел выявить в данный момент – что всё выглядело так, будто бы г-н Гурджиев был очень переменчивым. Но это не верно. Он всегда был одним и тем же – только впечатление о себе, которое он преднамеренно творил, было разным.

Г-н Гурджиев хотел – возможно, это было его основной задачей – принести в жизнь обычного человека «нечто», чего люди до сего дня совсем не знали.

Как он это делал, мы можем понять только из его Работы, о которой я напишу позже. Сейчас же я хочу подчеркнуть, что в его «божественной деятельности» с людьми г-н Гурджиев, с момента нашей встречи в 1917 году, последовательно проводил одну и ту же линию Работы, всегда оформляя её по-разному.

Как я могу описать его?

Мне кажется, что единственное решение – это не описывать г-на Гурджиева лично, а рассказать о том, как он с нами работал, ведь только рассказ о нашем личном опыте может передать идею его Работы и её отношение к человеку. Такова цель этой книги.

Оглядываясь назад на нашу жизнь с ним, я обнаружил, что постепенно ко мне пришло осознание всего, что он говорил и делал. Воспоминания собирались вместе, как части картинки-загадки, часто с новым пониманием. Его идеи прояснялись, одна за другой, пока, наконец, не нарисовалась цельная

картина.

Идеи г-на Гурджиева, рассмотренные людьми, не работающими активно над собой, напоминают о словах Христа: «Вера без дел мертва». Я думаю, что слово «вера» здесь следует понимать, как нечто рациональное, а не как слепое принятие. Здесь слово «работать» не означает «хорошо работать», в обычном понимании; скорее значение этого слова есть активная эволюционная творческая деятельность, связанная с идеями его учения. С г-ном Гурджиевым всё оживало и действовало; его идеи не могут быть оторваны от жизни.

Он сам есть жизнь и развитие. Он сам – это его Работа. Для меня его идеи проиллюстрированы его работой с людьми.

Только после всех этих лет я начал понимать, что означает его Работа в целом, и какие огромные усилия прикладывал он, чтобы привить нам зачатки нового понимания и нового подхода к жизни. Является ли моё толкование полностью верным или нет, я не знаю; да и никто не может знать, разве что только человек на том же уровне бытия, что и г-н Гурджиев, может реально и полно понять значение его Работы.

«Георгиваныча» больше нет с нами, но его Работа останется с нами до тех пор, пока мы не забудем его слова: «Помните, почему вы пришли сюда».

I

Санкт-Петербург

Я начну с нескольких слов о моей жизни до того дня, когда я встретил г-на Гурджиева.

Я композитор. Музыка всегда была для меня «талантом» из Нового Завета, данным мне Богом, и требовалось, чтобы я развивал его, непрестанно над ним работая. Мне это было понятно задолго до встречи с г-ном Гурджиевым, но для того, чтобы развиваться в моей творческой работе, мне было необходимо что-то, — что-то большее или высшее, что я не мог назвать. Только получив это «что-то», я мог бы развиваться дальше и надеяться получить какое-либо удовлетворение от своего творчества, не стыдясь самого себя. Часто мне приходили на ум слова Бетховена: «Музыка — это откровение более высокое, чем наука и философия». И я всегда помнил, сочиняя музыку, чудесные слова русской сказки: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что; тропа длинная, путь неизвестен; герой не знает, как туда добраться самостоятельно; он должен обратиться за помощью к Высшим силам...»

Таким образом, моя жизнь была поиском.

Я не буду пересказывать детали первых лет моего поиска, кроме того, что я вошёл в контакт со многими «путями» и встретил нескольких необычных людей, но они оказались не

тем, что я искал. Однако через них я встретил Андрея Андреевича Захарова, который привёл меня к Гурджиеву.

Захаров был чрезвычайно приятный и высокообразованный человек, ставший нашим близким другом. По профессии он был математик. Наше общение всегда крутилось вокруг того, чтобы было наиболее важным для нас: вокруг поиска.

Это было в 1915 году, во время Первой мировой войны. Он часто приезжал проводить меня и мою жену в Царское Село, за двадцать две версты от Санкт-Петербурга, куда меня направили, как офицера гвардии. Позже, осенью 1916 года, он сказал мне, что встретил учителя, настоящего учителя, но не сказал ни его имени, ни как именно он его нашёл.

Однажды, когда я провожал Захарова на вокзал, он начал говорить об учении, которое, как он сказал, могло быть ответом на наш великий вопрос. Он сказал: «Суть такова: у человека на том уровне, на котором он существует, нет бессмертной неразрушимой души, но через конкретную работу над собой он *может сформировать* бессмертную душу; тогда это вновь сформированное тело-душа больше не будет зависеть от законов физического тела и продолжит существовать после его смерти». После длинной паузы, последовавшей за этим утверждением, Захаров продолжил: «Но тут есть нечто, что, возможно, вас удивит. Видите ли, обычно полагается, что высшее знание даётся бесплатно; но в данном случае, если вы и ваша жена захотите присоединиться к

этой Работе, вам нужно будет заплатить определённую сумму». Он назвал цену. Это было достаточно дорого (2000 рублей), но мы могли в то время их заплатить.

Я часто бывал разочарован, замечая, что моя жена слушает то, что говорил Захаров, невнимательно и несерьёзно, поэтому я решил пообщаться с ним наедине. И поскольку она не знала об учителе, которого встретил Захаров, я решил не говорить ей о нём до тех пор, пока сам его не увижу. Я несколько раз спрашивал Захарова, когда он представит меня этому человеку, но он всегда отвечал: «Я уже обещал вам, что когда придёт время, я вам скажу».

В середине декабря Захаров сказал, что если я всё ещё хочу встретить «этого человека», то мне нужно быть в ресторане «Палкинъ» в следующее воскресенье между шестью и семью часами вечера. Это был очень большой ресторан на пересечении Невского и Литейного проспектов. Это место обычно не посещалось офицерами гвардии. Захаров должен был прийти туда, чтобы забрать меня и отвести к г-ну Гурджиеву.

Я пошёл. Наконец появился Захаров, и мы направились к Николаевскому вокзалу на том же Невском проспекте. Неожиданно он остановился перед одним зданием и поднялся на второй этаж, где было кафе. Мягко говоря, это было заведение для абсолютно разношерстной толпы, гуляющей по Невскому днём и ночью; и если бы кто-нибудь узнал, что я там был, меня могли разжаловать.

Мы вошли внутрь, заказали кофе и стали ждать.

Через некоторое время я увидел, что к нам подходит доктор Леонид Робертович Шернвалл, которого я встречал ранее в свете, а также два человека в чёрных пальто из тюленьей кожи, оба типичные кавказцы с чёрными глазами и чёрными усами. Они были очень хорошо одеты, но кавказцы!.. Я был озадачен: кто из них был он? Должен сказать, что моя первая реакция была вовсе не благоговением и восхищением...

Все трое приблизились, и мы пожали друг другу руки. Который из двоих был он? Моя неуверенность быстро развеялась глазами одного из мужчин. Человек с «теми глазами» сел на узкой стороне стола; по его правую руку сел доктор Шернвалл с другим мужчиной, а по левую я и Захаров. Был момент тяжёлой тишины. Я не мог не заметить съёмные манжеты, которые были не особо чистыми. Тогда я подумал: нужно что-то сказать... Я сделал огромное усилие над собой, и сказал ему, что хочу быть допущенным к его Работе.

Г-н Гурджиев спросил о причине моей просьбы. Может быть, я несчастлив в жизни? Или есть какая-нибудь другая, особая причина? Я ответил, что всем доволен, счастливо женат, у меня достаточно денег, чтобы не зарабатывать себе на жизнь, и у меня есть моя музыка, являющаяся центром моей жизни. Но я добавил, что всего этого недостаточно. Я сказал: «Без внутреннего роста для меня нет жизни вообще; я и моя жена ищем путь развития».

С этого момента я осознал, что глаза г-на Гурджиева необычайно глубоки и проникновенны. Слово «красивые» вряд ли подходит, но я скажу, что с того момента я никогда не видел подобных глаз и не ощущал такого взгляда.

Г-н Гурджиев выслушал и ответил, что мы позже поговорим о том, что меня интересует. «А пока, – обратился он к доктору Шернваллу, – пусть Успенский расскажет ему всё, что было сказано до сих пор, и даст ему прочесть рассказ „Проблески истины“».

Я решил спросить г-на Гурджиева, могу ли я внести деньги в его Работу. Он ответил: «Придёт время, когда я скажу вам отдать мне всё, что вам принадлежит, и вы с радостью сделаете это. Но на данный момент ничего не нужно».

Этим общение закончилось, и мы с Захаровым ушли. Долгое время я не мог говорить. Достигнув угла Литейного проспекта, я сказал Захарову о своём сильном впечатлении от глаз г-на Гурджиева. «Да, – сказал он, – я вас понимаю. И конечно, вы больше ни у кого не увидите таких глаз».

Кратко описав эту первую встречу с г-ном Гурджиевым, сейчас я хотел бы добавить что она, определённо, была спланирована лично им. Всё, что он делал, создавало для меня невыгодные условия, начиная с моего прихода в ресторан «Палкинъ» и потом в кафе, где, как сказал г-н Гурджиев, «обычно больше проституток». Всё, включая это грубое замечание, предполагало не привлечь, а скорее наоборот, оттолкнуть вновь прибывшего. Или если не оттолкнуть, то по

крайней мере заставить его преодолеть сложности, держась своей цели, несмотря ни на что.

После этой встречи моя жизнь превратилась в сказку. Я читал сказки с детства, и всегда помнил их смысл: идти вперёд и никогда не забывать свою настоящую цель, преодолевать препятствия, и если твое стремление истинно, надеяться на помощь из неведомых источников. Таким образом, казалось, что если стремишься к одной великой цели, то получишь такую награду, о которой даже не мечтал, но горе тебе, если ты позволишь себе отклониться, если соблазнишься чем-то дешёвым.

Единственной реальностью теперь стало желание быть с г-ном Гурджиевым. Обычная жизнь, которая тоже была реальной, продолжалась, но уже казалась полностью ненастоящей. Таким образом, я сделал первый шаг.

После той встречи я должен был найти Успенского. Он жил на Троицкой улице, недалеко от Невского. Когда я позвонил в дверь, мне открыл военный в пенсне. Это был Пётр Демьянович Успенский. Его призвали в армию, но комиссовали из-за близорукости. Теперь ему недолго оставалось носить военную форму.

С самого начала он произвёл на меня очень глубокое впечатление; он был прост, вежлив, открыт и интеллигентен. Не тратя времени, он начал рассказывать мне то, что позже описал в своей книге «В поисках чудесного»⁴. Он знал как изу-

⁴ Успенский, П. Д. «В поисках чудесного: фрагменты неизвестного учения».

нительно просто и ясно объяснить сложную схему миров, планет, космосов и пр., таким образом, что каждый, кто серьёзно интересовался этим аспектом учения г-на Гурджиева, мог легко это усвоить. В конце нашей беседы он дал мне листки с машинописным текстом первой встречи г-на Гурджиева с «кем-то», записанные одним из его учеников. Это был рассказ «Проблески истины»⁵.

Как только я вернулся в Царское Село, я дал почитать эти записи моей жене. Она прочла их почти сразу же, не в силах оторваться, и в конце воскликнула: «С таким человеком я хотела бы встретиться!»

Когда я ей сказал, что уже встречался с ним... о, она была совершенно вне себя. Я объяснил ей свои причины – мы уже встретили так много людей, которые нам не нравились, что я решил увидеться с ним сам, чтобы уберечь её от разочарования. Не стоит говорить, что её желание встретиться с этим учителем было сильнее всех других желаний, и мы с нетерпением ожидали того дня, когда г-н Гурджиев вернётся в Санкт-Петербург, и мы сможем вместе увидеться с ним.

В начале февраля г-н Гурджиев ещё не вернулся из Москвы, а мне нужно было отбыть на фронт в конце месяца. Медленно, но уверенно приближалась революция. Все, кого мы знали в городе, всё ещё жили, как обычно, но на окраинах

New York, Harcourt, Brace, 1949; Routledge & Kegan Paul, London, 1950.

⁵ Рассказ «Проблески истины» был опубликован в книге «Взгляды из реального мира; ранние беседы Гурджиева», London, Routledge@KeganPaul, 1973; New York, Dutton, 1973.

начались массовые беспорядки.

В конце концов, прибыл г-н Гурджиев. Нас пригласили на встречу, которая состоялась 9 февраля на квартире г-на и г-жи Успенских. Было сравнительно мало людей. Мы все заняли стулья, расставленные напротив дивана, на который позже сел г-н Гурджиев. Большинство из присутствующих уже были знакомы с идеями, ныне выраженными в книге «В поисках чудесного». Эта встреча не была лекцией, и сказано было мало, но мы с женой ощутили сильную атмосферу внутренних поисков. Время от времени кто-то нарушал тишину коротким вопросом. Настроение было не такое, как у равнодушных людей, интересующихся модными в то время оккультными науками. Это были люди, для которых ответ на внутренние вопросы, поиск пути к реальной, активной работе над собой, по-настоящему были центром их жизни.

Лучше всего о своём впечатлении от этой встречи расскажет моя жена.

В феврале 1917 года мы жили в Царском Селе, резиденции царя, так как моего мужа отозвали из запаса в его полк, чтобы выдвинуться на фронт в конце месяца. Был холодный зимний день, и мы сидели в нашем рабочем кабинете, каждый занятый своим делом. Муж передал мне текст, набранный на машинке, и спросил, не хочу ли я его прочесть. Я сразу же начала читать и дойдя до того места, где говорилось, что никто не может посвятить тебя, кроме тебя самого, я остановилась и сказала мужу: «Если бы мы смогли найти человека,

который это сказал, я была бы рада последовать его учению». Мой муж ответил, что он не только нашёл этого человека, но и уже встречался с ним. Вместо того чтобы обрадоваться, я вспыхнула, укоряя его за то, что он мне ничего не сказал. Это была наша первая ссора... Но моё желание узнать больше об этом человеке было сильнее раздражения, успокоившись, я поняла, что он ещё вернётся из Москвы, и муж сможет встретиться с ним, взяв меня с собой.

Наконец этот день настал. Встреча была назначена на половину восьмого вечера на квартире г-на и г-жи Успенских, с которыми я ещё не была знакома. Так совпало, что это был день рождения моей младшей сестры Зои, и родители давали для неё бал, на котором, конечно же, мы должны были присутствовать. Поэтому я накинула шубу на бальное платье и не снимала её весь вечер.

Поскольку мы были на встрече впервые, мы сели немного в стороне от остальной группы. Комната была не очень большой. Напротив турецкой софы на стульях сидели около пятнадцати человек. Однако человека, которого мы так желали увидеть, в комнате не было. Всё для меня казалось странным, я была поражена тем, как искренне и просто общались эти люди. Доктор Шернвалл, который производил впечатление главы группы, спросил присутствующих, что они могут ответить на вопрос, заданный им в прошлый раз. Вопрос был такой: «Что больше всего мешает человеку следовать по пути саморазвития?» Было несколько

разных ответов. Один сказал, что это деньги, другой – слава, третий – любовь, и так далее.

Очень неожиданно – как чёрная пантера – вошёл человек восточной внешности, какой я ещё никогда не видела. Он подошёл к софе и сел на неё, скрестив ноги на восточный манер. Он спросил, о чём идёт речь, и доктор Шернвалл пересказал вопрос и ответы на него.

Когда он упомянул любовь, г-н Гурджиев прервал его: «Да, это правда, любовь – это самое сильное препятствие на пути развития человека».

В тот момент я подумала: снова то же самое, снова нам нужно разделиться, мы не можем думать о саморазвитии и оставаться вместе; я была очень встревожена.

Однако г-н Гурджиев продолжил: «Но какая любовь? У неё есть несколько видов. Когда это самолюбие, эгоистичная любовь или минутное увлечение, она мешает, потому что она ограничивает свободу человека, он не свободен. Но если это настоящая любовь, где каждый стремится помогать другому, это совсем другое дело; и я всегда рад, если муж и жена оба интересуются этими идеями, потому что они могут помогать друг другу».

Я едва ли могла поднять взгляд, но у меня было чёткое ощущение, что г-н Гурджиев смотрит на меня. Сегодня я уверена, что он сказал это специально для меня. Это было очень странное состояние, я была так счастлива. Потом мы должны были уйти и поехать на бал. Когда я вошла в бальный зал дома моих родителей,

все уже танцевали. Я неожиданно почувствовала, как будто что-то ударило меня в грудную клетку. Танцующие люди показались мне куклами.

Через несколько дней мне выпала возможность поговорить с г-ном Гурджиевым наедине. Я не сильно этого желала, потому что люди говорили, что г-н Гурджиев будет спрашивать меня то, чего я ожидаю от него; поэтому я колебалась, но, в конце концов, решила пойти. До того как я смогла хоть что-нибудь сказать, г-н Гурджиев спросил меня, как я себя чувствовала, когда пришла домой после встречи. Я не знала, как выразить своё переживание. Я даже тогда не сознавала, что это было переживание, но я сказала ему о странном чувстве, которое у меня было по возвращении на бал. Он ответил, что это хорошо, или что он доволен, я точно не помню. Помню только, что он был удовлетворён и сказал, что если мы хотим, мы с мужем всегда можем прийти к нему на встречу в любое время, когда он в Санкт-Петербурге. Я сказала ему, что мой муж должен ехать на фронт, и мы не можем больше оставаться в городе, что я хочу следовать за своим мужем столько, сколько мне будет позволено. Я также спросила, была ли какая-нибудь возможность для мужа избежать поездки на фронт. «Нет, – ответил г-н Гурджиев. – С волками жить, по-волчьи выть; но вам не нужно увлекаться психозом войны, и внутренне вам нужно стараться быть далеко от всего этого».

Он спросил меня: «Вы вообще хотите вернуться на занятия? Чего вы ожидаете?» Я сказала, что не

могу ему ответить – он будет смеяться надо мной. Он сказал мне очень ласковым тоном, каким иногда говорят с ребёнком: «Нет, скажите мне. Я не буду смеяться. Возможно, я смогу вам помочь». Тогда я сказала: «Единственное, чего я от вас хочу, это чтобы вы не разрушили моего счастья с мужем». Г-н Гурджиев не смеялся. «У вас, наверное, квартира с семью комнатами, – сказал он. – Но если вы заинтересуетесь вопросом, который привёл сюда вашего мужа, у вас, возможно, будет квартира, в которой сто семь комнат, и возможно, вы станете ещё более счастливой, чем сейчас». Я сразу же поняла, что моё счастье с мужем не будет нарушено – только мои горизонты станут больше, расширятся.

В углу стояла лестница. Г-н Гурджиев указал на неё и сказал: «Если вы начнёте подниматься, ступенька за ступенькой, то однажды вы окажетесь наверху, и вы уже никогда не упадёте снова. Также и с вашим развитием. Вам нужно будет идти ступенька за ступенькой и не воображать, что вы окажетесь на вершине лестницы в один момент».

В следующий раз, разговаривая с г-ном Гурджиевым, я уже не была так напугана и сказала ему: «Г-н Гурджиев, я часто думаю о лестнице. Но я знаю, что у меня нет сил, даже нет желания забираться на вершину. Поэтому я решила, что будет лучше попытаться помочь моему мужу и вам достичь вершины лестницы, подталкивая вас сзади, ведь я вижу, что вы и мой муж очень этого хотите». И снова г-н Гурджиев не

разозлился на меня. Он только сказал: «Я очень рад, что вы не эгоистка, что вы думаете больше о нас, чем о себе. Но посмотрите, вы можете подтолкнуть нас, возможно, со второй ступени на третью, с третьей на четвёртую, но дальше вы уже не сможете до нас дотянуться. Таким образом, для того, чтобы подталкивать нас дальше, вам тоже нужно будет подняться на одну или две ступени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.